

ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРНОГО СНОВИДЕНИЯ В РОМАНЕ МИЛОРАДА ПАВИЧА «ХАЗАРСКИЙ СЛОВАРЬ»

М. А. Гордина

Иркутский государственный университет

Поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию онейрического текста романа М. Павича «Хазарский словарь». Автор рассматривает реализацию приёма разделенного сновидения в романе, а также обращается к особенностям онейрического архетипа, представленного в «Хазарском словаре».

Ключевые слова: онейротоп, онейрический текст, литературное сновидение, архетип сновидения.

Abstract: the article presents the analysis of the dream narrative in the novel by Milorad Pavić «Dictionary of the Khazars». The article considers the method of a divided dream as well as the features of the dream archetype in «Dictionary of the Khazars».

Keywords: dream sign, dream narrative, literary dream, dream archetype.

Изучение особенностей литературных сновидений, или художественная гипнология, онейропоэтика, является одним из наиболее интересных направлений современных литературоведческих исследований. Особенный интерес, на наш взгляд, представляют работы Т. Ф. Теперик [4], В. В. Савельевой [3] и Н. Нагорной [1], посвящённые данной тематике, а также «сноведческие» труды В. Топорова, А. Ремизова, В. Брюсова, М. Волошина и др. Прежде всего, стоит определиться с тем, что мы будем понимать под онейрическим текстом (oneiros (греч.) – сон). Обратимся для этого к определению, данному В. Савельевой в монографии «Художественная гипнология и онейротопика русских писателей»: «Онейрический текст – вербально оформленное сновидение персонажа или писателя; это письменный сложно организованный авторский и персонажный рассказ вымышленного сновидения, содержащий элементы спонтанной внешней и внутренней речи, описания, нарративные эпизоды, ремарки, комментарии, включающий фрагменты рефлексии и интерпретации» [3, 14].

Таким образом, онейрический текст – это описание вымышленного сновидения, литературного сна. Кроме того, употребление термина «онейрический текст», как нам кажется, вполне уместно при обозначении совокупности «сновидных» элементов творчества того или иного автора (сны персонажей, онейрические состояния: бред, галлюцинации и т.д.), представленных в его произведениях. Например, речь может идти об онейрическом тексте Н. В. Гоголя, М. А. Булгакова, В. Набокова и т. д.

В рамках данной статьи мы остановимся на рассмотрении особенностей онейропоэтики романа Милорада Павича «Хазарский словарь». Для этого

следует прежде всего уточнить, что события «Хазарского словаря» происходят в трёх временных пластах: во время хазарской полемики (861 год), в 17 веке и в 1982 году (конференция в Царьграде). На всех трёх уровнях романа сны персонажей играют важнейшую сюжетную функцию, то есть влияют на ход сюжета, направляют действия героев, предсказывают им грядущие события и т. д. Так, самое первое событие романа, которое «запускает» весь последующий сюжет – хазарская полемика (прения представителей христианства, иудаизма и ислама о том, какую веру следует принять хазарам) – происходит как следствие сна, увиденного хазарским правителем, и необходимости его истолкования.

Одним из самых распространенных способов изображения литературного сновидения в «Хазарском словаре» является приём *разделённого сна* [3], то есть сна, который снится одновременно двум и более людям. Данная особенность онейропоэтики вполне органична для текста романа и вытекает из самого его сюжета, ведь собирателями текста словаря, как правило, являются участники секты ловцов снов – люди, способные проникать в чужие сновидения. Ловцы снов путешествуют по чужим снам, разделяют их со спящими, ищут в миллионах снов частички тела ангельского предка людей. При этом особенной удачей считается найти двух людей, которые связаны сном, то есть живут, видя друг друга во сне. Явь одного – это сон другого, и наоборот. Одному из последних ловцов Юсуфу Масуди это удаётся, он после долгих блужданий по чужим снам находит Аврама Бранковича и Самуэля Коэна – христианского и иудейского собирателей словаря. Вот как Павич описывает «охоту» ловца снов на Коэна: «Выслеживая свою добычу, Масуди шел из города в город вдоль берега Черного моря. Он начал подмечать особенности тех, кто видит сон, ставший его

целью. Там, где число людей, которых во сне навещает седоусый юноша, увеличивалось, он отмечал удивительные вещи: глаголы в речи приобретали более важную роль, чем существительные, которые при малейшей возможности вообще выбрасывались. Иногда юноша появлялся во снах целых групп людей. Армянские купцы видели его под виселицей, установленной на повозке, запряженной волами...» («Зелёная книга») [2, 166–167].

Сам Юсуф Масуди пишет исламскую версию текста. Интересно, что все три собирателя чувствуют недостаточность своего варианта словаря и мечтают найти свидетельства представителей других религий. Они стремятся к встрече друг с другом, к соединению трёх фрагментов в один сакральный текст, чему всеми силами стараются помешать различные демоны. Вот как об этом рассуждает Самуэль Коэн в «Жёлтой книге» «Хазарского словаря»: «*Может быть, где-то в мире есть двое, которые ищут меня так же, как я ищу их. Может быть, они видят меня во снах, как и я их, жаждут того, что я уже знаю, потому что для них моя истина – тайна, так же как и их истина для меня – сокрытый ответ на мои вопросы...*» [2, 246].

Так же как три версии словаря составляют единый текст, три его собирателя являются как бы разделёнными по странам и религиям частями одного человека. Они вечно ищут друг друга и не чувствуют полной гармонии, пока не обретут единства. Интересно в связи с этим упоминание Павичем троицы, которая, по предположению Коэна, является необходимым основанием любого самодостаточного творения, будь то мироздание или сакральный текст-тело хазарского словаря. И эта троица не только единство души, духа и плоти, но и синтез христианства, ислама и иудаизма:

«В Талмуде написано: «Пусть идет, чтобы его сон был истолкован перед троицей». Кто моя троица? Не рядом ли со мною и второй, христианский охотник за хазарами, и третий, исламский? Не живут ли в моих душах три веры вместо одной? Не окажутся ли две мои души в аду и лишь одна в раю? Или же всегда, как и в книге о сотворении света, необходима троица, а кто-то один недостаточен, и поэтому я не случайно стремлюсь найти двух других, как и они, вероятно, стремятся найти третьего» [2, 246].

Собиратели незримо связаны с хранителями древней религии хазар – сектой ловцов снов. Хазарские жрецы путешествовали по чужим сновидениям, стремясь вербально воссоздать тело ангельского первочеловека Адама Рухани (в Зелёной книге), или Адама Кадмона (в Жёлтой книге), существо которого растворено во снах всего человечества как чистой, истинной реальности, объединяющей людей независимо от их веры. Найденные частицы фиксируются ловцами в письменной форме, собираются в так называемые энциклопедии, или словари. Таким

образом, все сохранившиеся тексты хазарского словаря представляют собой материальное воплощение, своеобразную «икону» ангельского первочеловека Адама, сакральный текст-экфрасис. Именно поэтому на собирателей словаря как религиозного текста охотятся демоны всех трёх преисподней.

Отдельного внимания заслуживает пример разделённого сна Авраама Бранковича и Самуэля Коэна. В. Савельева в монографии «Художественная гипнология и онейротопика русских писателей» указывает на то, что ситуация разделённого сна свидетельствует об особой незримой связи между героями [3], которые включены в это общее для них пространство. Интересно, что герои Павича не просто видят один сон, они связаны сновидной материей настолько, что один остаётся живым только, пока жив второй. Герои видят во сне явь друг друга, то есть не могут бодрствовать одновременно, поэтому Коэн спит ночью, а Бранкович засыпает всегда только днём. Явь Коэна, например, со временем вытесняет из снов Бранковича следы его собственной яви и личной жизни, полностью заменяя их собой в сновидном пространстве. Во сне Авраам чувствует себя моложе, перестаёт хромать, осознаёт себя представителем другой религии и т. д. То же самое происходит и с Коэном: «Сам Бранкович говорит о своем сне, что сначала он почувствовал какое-то беспокойство, которое, подобно камню, брошенному в его душу, падало через нее на протяжении дней, и падение это прекращалось только ночью, когда вместе с камнем падала и душа. Позже этот сон полностью овладел его жизнью, и во сне он становился в два раза моложе, чем наяву. Из его снов навсегда исчезли сначала птицы, затем его братья, потом отец и мать, простившись с ним перед исчезновением. Потом бесследно исчезли все люди и города из его окружения и воспоминаний, и наконец из этого совершенно чужого мира исчез и он сам...» («Красная книга») [2, 51].

Рассматривая особенности онейрического текста того или иного автора, можно проследить некую закономерность, схему, по которой в его произведениях происходит погружение в сон и пробуждение, выяснить, как чаще всего засыпают герои (внезапно, долго мучаясь бессонницей), что видят во сне, как просыпаются (спокойно, в состоянии падения и т. д.) В связи с этим продуктивным представляется обращение к понятию *архетипа сновидения*, которое предлагает в своей работе В. Савельева [2]. Исследователь определяет *онейрический архетип* как «индивидуально-авторскую версию представления триединой архетипической ситуации засыпания-сновидения-пробуждения» и указывает, что «онейрический архетип относится к категории литературных архетипов, которые являются в определенной мере сознательными вторичными архетипами в противовес архаическим, которые базируются на коллективном бессознательном» [3, 82].

Любое литературное сновидение – это, как правило, своеобразное «путешествие», перемещение из исходного времени-пространства в сновидную реальность с последующим возвращением. Именно поэтому Савельева пишет об архетипе сновидения как «пространственно-временной композиционной и мнимой сюжетной петле с кольцевым возвращением в исходный локус и топос» [3, 82].

Если обратиться к тексту романа Павича, то становится очевидным, что в данном случае ситуация засыпания зачастую имеет спонтанный, внезапный характер. Герои проваливаются в сон, стремительно переносятся в сновидную реальность и так же стремительно из неё возвращаются. Например, Авраам Бранкович, который засыпает в тот момент, когда просыпается Коэн, то есть днём, опасается того, что неожиданно уснёт, потеряет связь с реальностью где-нибудь в неподходящем месте. Это не касается участников секты ловцов снов, они попадают в чужие сны по собственному желанию и сами выбирают нужный момент. Например, Юсуф Масуди подбирается к спящим людям и проникает в их сны в поисках Коэна, а принцесса Атех вообще вечно путешествует по человеческим снам и только в них может познать земную любовь. Таким образом, герои романа, не наделенные способностями ловцов снов, как правило, попадают в пространство сна неожиданно и так же неожиданно из него возвращаются, а ловцы снов способны контролировать засыпание и пробуждение.

Литературное пространство «Хазарского слова-

ря» Милорада Павича чрезвычайно насыщено образами различных религий, фантастично и многослойно, автор запутывает читателя, чтобы потом подарить ему радость «собираения» из множества частиц единой картины древней причудливой истории. Немалую роль в построении романной яви «Хазарского словаря» играет онейрический текст. При исследовании литературных сновидений романа можно обнаружить различные варианты изображения пространства литературного сна, представляющего собой «кольцевое путешествие» из «яви» в сновидную реальность с дальнейшим возвращением, а также влияние онейрического текста на развитие сюжета произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нагорная Н. А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм / Н. А. Нагорная. – М. : МАКС-Пресс, 2006. – 258 с.
2. Павич М. Хазарский словарь: роман-лексикон. Мужская версия / М. Павич / Пер. с серб. Л. Савельевой. – СПб. : Азбука, 2000. – 386 с.
3. Савельева В. В. «Художественная гипнология и онейротопика русских писателей»: монография / В. В. Савельева. – Алматы : Жазуши, 2013. – 520 с.
4. Теперик Т. Ф. Поэтики сновидений в античном эпосе (на материале поэм Гомера, Аполлония Родосского, Вергилия, Лукана): автореф. дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук / Т.Ф. Теперик. – Москва, 2008.

Иркутский государственный университет

*Гордина М. А., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики и медиаменеджмента
E-mail: m-gordina@mail.ru*

Irkutsk State University

*Gordina M. A., Candidate of Philology, Lecturer of the Journalism and Media Management Department
E-mail: m-gordina@mail.ru*